

А. А. Володькин

ФАКТОРЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ БАЛТИИ В 1991—2014 ГОДАХ

76

Проанализирована роль в формировании внешнеполитического курса Литвы, Латвии и Эстонии 1991—2014 гг. группы факторов, связанных с определением их позиции по отношению друг к другу, а также к международным процессам европейской политики данного периода. Показано, что фактор европейской интеграции начал определять политику государств Балтии в отношении своих соседей еще на этапе подготовки к вступлению в ЕС. Фактор позиционирования этих государств в качестве «малых стран» способствовал секьюритизации западных векторов их внешней политики. А фактор «балтийского единства» во многом опирался на стереотипы, сформировавшиеся в период борьбы Литвы, Латвии и Эстонии за независимость, и постепенно утрачивал свое значение по мере их интеграции в ЕС и НАТО.

The article analyzes the role of a group of factors related to the determination of Lithuanian, Latvian and Estonian position in relation to each other, as well as to the international processes of European politics of the historical period of 1991–2014 in the formation of their foreign policy. The author establishes that the factor of European integration started to determine the policy of Baltic states towards their neighbours yet in times of their preparation for the EU accession. The factor of Baltic positioning as "small states" contributed to the securitization of the western vectors of their foreign policy. And the factor of "Baltic unity" was largely based on stereotypes formed during the struggle for Lithuanian, Latvian and Estonian independence and gradually lost its significance as they were integrating into the EU and the NATO.

Ключевые слова: государства Балтии, внешняя политика, европейская интеграция, геополитическое позиционирование

Keywords: Baltic states, foreign policy, European integration, geopolitical positioning

Введение

Анализ условий формирования внешней политики государств и выявление движущих сил ее развития очень важны для понимания сложившейся структуры внешнеполитических приоритетов и долгосрочных проблем, возникающих в их отношениях с другими субъектами международных отношений. В этой связи весьма интересным объектом

для изучения представляются страны Балтии¹: Литва, Латвия и Эстония. Уже в силу своего расположения они оказались на пересечении интересов крупных акторов международных отношений. Несмотря на свои малые размеры и ресурсный потенциал, они проявляли неожиданную решимость и усилия для отстаивания своего внешнеполитического выбора. А их внешнеполитический курс на протяжении трех постсоветских десятилетий отличался стойкой последовательностью, что особенно контрастировало с преимущественно ситуативной внешней политикой большинства постсоветских стран.

Изучение источников и литературы позволяет выделить две основные группы факторов, определявших формирование внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии в рассматриваемый период. Во-первых, это факторы идентичности, такие как историческая память и национальные идеологии этих стран, послужившие основой устойчивого консенсуса их политических элит. Вторую группу условно можно назвать внешними факторами, поскольку они связаны с влиянием таких внешних условий, как европейская интеграция и стереотипы о балтийском единстве, а также с оценкой своего места в европейской и мировой политике, то есть геополитическим позиционированием. Именно факторам последней группы и посвящена данная работа.

Предметом исследования выступают факторы европейской интеграции и геополитического позиционирования стран Балтии, а целью — анализ их роли в формировании внешнеполитического курса этих государств в 1991—2014 гг. Хронологические рамки работы обусловлены тем, что международное признание независимости Литвы, Латвии и Эстонии в конце августа 1991 г. ознаменовало их переход к осуществлению суверенной внешней политики, а резкое ухудшение отношений между коллективным Западом и Россией с весны 2014 г. вследствие Украинского кризиса сформировало принципиально иную международную ситуацию в Европе, которая отразилась и на внешнеполитической повестке стран Балтии.

Историографию по теме исследования можно разделить на четыре тематические группы. Первую из них представляют публикации, отражающие влияние европейской интеграции на внешнюю политику стран Балтии. Здесь следует выделить работы Р. Вильпишаускаса, посвященные их подготовке к вступлению в ЕС и последствиям этого шага для их дальнейшей политики [21; 22]. Исторический путь стран Балтии «из Советского Союза в Европейский» также подробно рассматривается в монографии П. Ван Элсуwege [20]. Из российских исследователей во-

¹ Учитывая распространенное в русском языке употребление форм «Балтия» и «Прибалтика» в качестве синонимов, автор, тем не менее, разграничивает эти понятия. Исходя из исторических условий их возникновения и идеологической окраски современного применения, форма «Прибалтика» используется в качестве исторического термина, обозначавшего регион в пределах СССР. Применительно же к современному периоду независимого развития Литвы, Латвии и Эстонии автором используются формы «Балтия» и «балтийские» (подробнее см.: [3, с. 65—78; 4]).

просы влияния евроинтеграции на внешнюю политику стран Балтии затрагивали И. А. Баторшина [1], В. В. Воротников [5], А. Н. Сыгин и В. А. Смирнов [11].

Следующую группу составляют работы, посвященные идеям балтийского единства. Она включает исключительно литовских авторов, что указывает на особый интерес в Литве к данной теме. Здесь стоит упомянуть публикации М. Юркинаса [16], А. Буткуса и Л. Донскиса [14]. Следует отметить и сборник документов по развитию идей балтийского единства в межвоенный период [12]. Хотя его основной материал не вписывается в хронологические рамки работы, в послесловии редактор сборника З. Буткус дает весьма интересную оценку исторической динамики этих идей вплоть до вступления стран Балтии в ЕС.

К третьей группе относятся публикации по вопросам геополитической идентичности во внешней политике стран Балтии. В первую очередь это основанные на литовском материале работы В. Бяржюнаса [13] и Е. Карпавичюте [17]. Также здесь следует упомянуть статью Дж. Ламоро и Д. Гэлбрита, посвященную особенностям внешнеполитических стратегий и тактики стран Балтии, в контексте их позиционирования в качестве малых стран [19].

Наконец, последнюю группу составляют работы, посвященные более широким вопросам политического развития стран Балтии в исследуемый период, которые позволяют сформировать общее представление о месте и роли каждого из выделенных факторов в формировании их внешней политики. Сюда следует отнести работы В. В. Воротникова [6] и Р. Х. Симоняна [10], публикации И. Розенфельда [8] и А. Носовича [7], коллективную монографию Д. Гэлбрита, Дж. Ламоро и А. Лашаса о развитии внешней политики стран Балтии в 2004–2008 гг. [15]. Значительный интерес представляют также мемуары первого президента постсоветской Литвы А. Бразаускаса [2] и литовской журналистки Р. Сакалаускайте [9].

Фактор европейской интеграции

Европейская интеграция имела очень большое значение для развития государств Балтии в постсоветский период. С одной стороны, интеграция в ЕС (наряду со вступлением в НАТО) становится важнейшей стратегической целью их внешней политики. С другой — данный процесс задает определенные рамки развития этих стран, которые оказали существенное влияние на их внутреннюю и внешнюю политику, то есть также стали фактором их формирования.

В конце 1980-х гг. одновременно с лозунгами восстановления независимости Литвы, Латвии и Эстонии появляется и лозунг «возвращения в Европу». В ходе проведенных автором статьи осенью 2019 г. интервью с бывшими дипломатами и политиками стран Балтии практически все респонденты отмечали, что на этапе борьбы за независимость и в первые годы после ее достижения этот лозунг был не более чем декларацией о намерениях и никаких четких стратегий за ним не было. Тем не менее он имел такую мобилизационную силу, что вскоре стал ведущим принципом внешней политики стран Балтии и одной из идейных основ долгосрочного консенсуса их политических элит.

По мере развития европейской интеграции и адаптации государств Балтии к новой политической ситуации, формируемой этим процессом, лозунг «возвращения в Европу» наполнялся конкретным содержанием, которое определялось условиями ЕС, выработанными для стран — кандидатов на вступление. Здесь нужно вспомнить, что процесс восточного расширения ЕС кардинально отличался от всех предыдущих. Если ранее страны кандидаты могли оговаривать для себя особые условия членства (как Великобритания или Дания), то в случае переходных государств Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) были выработаны общие критерии, на основании которых планировалось оценивать готовность каждого из них к членству в ЕС.

Впрочем, все эти критерии и условия касались общих вопросов экономического и политического развития стран-кандидатов и не предусматривали для них прямых предписаний в сфере внешней политики. Однако с образованием ЕС одним из трех ключевых направлений его развития стала Общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ), которая предполагала выработку и проведение членами ЕС общей скоординированной внешней политики по актуальным для Сообщества вопросам. И хотя до своего вступления страны Балтии не были связаны формальными обязательствами следовать этой политике, на практике уже со второй половины 1990-х гг. они ориентировались на общую позицию ЕС в своих отношениях с второстепенными для них партнерами (то есть почти со всеми, кроме стран самого ЕС, а также США и России). Например, когда Брюссель осудил проведение конституционного референдума 1996 г. в Беларуси и принял в сентябре 1997 г. решение о сворачивании контактов с официальным Минском на высшем и высоком уровнях, страны Балтии хоть и с некоторой задержкой, но также последовали этому примеру, продемонстрировав свою солидарность [3, с. 180].

Такую позицию Литвы, Латвии и Эстонии можно объяснить их стремлением компенсировать политической лояльностью свое отставание от Польши и других стран ЦВЕ в достижении требуемых для вступления в ЕС экономических показателей. Уже на саммите ЕС в Люксембурге в 1997 г. была выделена группа первоочередных кандидатов на вступление, с которыми предполагалось начать переговоры в феврале 1998 г. (так называемая «Люксембургская группа»). Из трех государств Балтии в нее попала лишь Эстония. Поэтому, чтобы укрепить собственные позиции в борьбе за вступление, во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг. эти страны делают акцент на своих успехах в демократизации и приверженности общим европейским ценностям, а также на поддержке внешнеполитических инициатив ЕС. Например, Латвия в соответствии с рекомендациями ОБСЕ и Совета Европы внесла изменения в свое законодательство о гражданстве, чтобы упростить его получение для русскоязычных жителей страны и тем самым продемонстрировать свое продвижение по пути построения правового демократического государства. А политические лидеры и дипломаты стран Балтии убеждая европейскую аудиторию в важности скорейшего приема своих государств в ЕС и НАТО, наряду с аргументами о защите от угроз с Востока также активно апеллировали к необходимости консолидации пространства «об-

щих демократических ценностей». Такая риторика была свойственна, например, выступлениям латвийского президента В. Вике-Фрейберги и эстонского министра иностранных дел (и будущего президента этой страны) Т. Х. Ильвеса.

После вступления в ЕС влияние европейской интеграции на внешнюю политику стран Балтии еще более усилилось и приобрело новые формы. В качестве членов этого объединения они получили одновременно право и обязанность участвовать в разработке и реализации ОВПБ/ЕВПБ. Теперь они должны были формулировать свою позицию по всем вопросам, составляющим внешнеполитическую повестку ЕС, — «от Конго до Мьянмы» [16, р. 121]. Но, будучи небольшими государствами и не имея собственных четких интересов в таких важных для ЕС регионах, как Африка или Ближний Восток, страны Балтии не могли оказывать существенного влияния на его общую внешнюю политику в целом. Поэтому они сконцентрировались на стремлении играть более активную роль в формировании общей стратегии отношений ЕС с Россией и развитии его связей с новыми восточными соседями. Аналогично тому, как на рубеже 1980—1990-х гг. северные государства пытались увеличить свой вес в европейской политике, выступая в роли «ретрансляторов» европейских ценностей и собственных моделей развития в страны на восточном берегу Балтийского моря, государства Балтии с середины 2000-х гг. стремились заработать авторитет в ЕС делясь своим опытом реформ на пути «из Советского Союза в Европейский» с постсоветскими странами, прежде всего — с ориентированными на европейскую интеграцию Украиной и Грузией [3, с. 181].

Ограниченность возможностей стран Балтии влиять на политику ЕС проявилась уже в середине 2000-х гг., когда стало ясно, что они не смогут заблокировать на европейском уровне строительство российского трубопровода «Северный поток» по дну Балтийского моря. Поэтому между ними постепенно нарастают различия во внешнеполитических подходах. Латвия и Эстония вскоре после вступления в ЕС фактически отказались от проведения собственной внешней политики в пользу поддержки общей внешней политики Союза и умеренного участия в его многосторонних инициативах. Литва же, напротив, стремилась использовать свой новый статус, чтобы занять место регионального лидера и играть ведущую роль в развитии отношений ЕС со странами постсоветского пространства. Особенно примечательной в этом плане была политика президента Д. Грибаускайте, которая в 2009—2010 гг. пыталась выступить в качестве посредника в налаживании политического диалога между ЕС и Беларусью, а в 2013 г. — форсировать заключение Договора об ассоциации Украины с ЕС (что сформировало предпосылки Украинского кризиса 2014 г.).

Факторы геополитического позиционирования

В силу неоднозначности трактовки самого понятия *геополитика* и крайней условности оценок влияния геополитических характеристик на реальное поведение политических субъектов в работе не ставится задача «объективно» оценить влияние геополитического положения стран Балтии на их внешнюю политику. Напротив, геополитическое позици-

онирование рассматривается исключительно в конструктивистском ключе — как одна из форм пространственной идентичности субъекта, выраженная в совокупности его представлений о своей роли в мировых и региональных процессах, о том, где находятся «друзья», а где «враги».

Одной из форм такого позиционирования, релевантной для государств Балтии, является представление о себе как о «малых странах». По мнению В. Бяржюнаса, идентичность малой страны определяется именно восприятием себя в качестве таковой самой нацией, а точнее ее политической элитой [13, р. 8]. Он выделяет во внешней политике Литвы два нарратива такой идентичности: восприятие политической элитой своего государства как слабого и уязвимого, нуждающегося в сильном союзнике, и убеждение в наличии угрозы со стороны другого государства, от которой этот союзник должен защищать. Влияние этих нарративов на внешнюю политику страны иллюстрируется тремя примерами. Вступление Литвы в НАТО, в представлении политической элиты, связано с тем, что лишь действительно сильный союзник сможет гарантировать ее безопасность от огромной и опасной России. А поддержка США во время войны в Ираке объясняется необходимостью безоговорочной солидарности со своим ключевым союзником, от которого зависит безопасность страны. Наконец, стремление Литвы к региональному лидерству выводится из желания показать, что, несмотря на свою слабость и уязвимость, она все же может предложить нечто своим союзникам [13, р. 19].

Хотя выводы Бяржюнаса основаны на литовском материале, они могут быть с уверенностью экстраполированы на Латвию и Эстонию. Для их внешнеполитического дискурса также характерны нарративы российской угрозы, от которой их может защитить лишь коллективный Запад во главе с США. Фактически нарративы идентичности малых стран стали основой для секьюритизации западных векторов внешней политики стран Балтии — провозглашения вступления в ЕС и НАТО залогом их выживания в долгосрочной перспективе. В соответствии с теорией секьюритизации Б. Бузана и О. Уивера риторика об экзистенциальной угрозе с Востока использовалась политическими элитами для постоянной актуализации этих целей и мобилизации имеющихся ресурсов на их достижение.

Еще одной формой геополитического позиционирования Литвы, Латвии и Эстонии стала идея балтийского единства. Несмотря на культурно-исторические различия эстонцев, латышей и литовцев, сближающим фактором для них послужило то, что еще на заре своей национальной государственности они осознали себя уязвимыми малыми нациями в окружении сильных и агрессивных соседей. Уже во время борьбы за международное признание в 1918–1919 гг. эти страны пытались сформировать региональный альянс, чтобы вместе отражать внешние угрозы и отстаивать свои права на международной арене. Тогда же выходят концептуальные работы Я. Тыниссона (J. Tõnisson), К. Р. Пусты (K. R. Pusta), Й. Шлюпаса (J. Šliūpas), С. Шалкаускаса (S. Šalkauskis) и О. Милоша (O. Milosz) с различными проектами такого объединения [12, р. 89–98]. Но в тот период единственным успехом на этом пути стало образование в 1934 г. трехстороннего оборонительного союза, известного как Балтийская Антанта.

Как отмечает З. Буткус, советский период сделал для сближения Литвы, Латвии и Эстонии больше, чем какой-либо другой [12, р. 873–880]. Особенно их консолидация проявилась в период борьбы за восстановление независимости, когда Народные фронты трех республик тесно взаимодействовали друг с другом и координировали свою политику. А в 1990–1991 гг. в качестве структур трехстороннего сотрудничества Литвы, Латвии и Эстонии были созданы Балтийский Совет и Балтийская Ассамблея. Все это способствовало распространению стереотипа о «балтийском братстве». Однако, по словам того же З. Буткуса, чем больше времени проходило с момента восстановления независимости, тем больше три страны отходили от этих идей как устаревших в условиях интеграции в западные структуры. Это подтверждают и выводы М. Колги, что значение ряда трехсторонних проектов в сфере обороны сошло на нет для стран Балтии после окончательного согласования сроков их вступления в НАТО [18].

Но какое значение идеи балтийского единства имели для внешней политики государств Балтии? Рассмотрим примеры обращения к этой идее в политическом дискурсе самих стран Балтии и их основных зарубежных партнеров. Доказательства того, что эти страны рассматривались как единый комплекс, можно найти в политике ЕС и США по отношению к ним. Например, ЕС одновременно включил их в программу ФАРЕ и заключил с ними соглашения о торговле и сотрудничестве и об ассоциации [20]. А президенты США во время своих зарубежных визитов в 1990-х — начале 2000-х гг. проводили все встречи исключительно в четырехстороннем формате — одновременно с главами Литвы, Латвии и Эстонии. А. Бразаускас оправдывал такой подход стремлением «не провоцировать ненужную конкуренцию между незрелыми балтийскими демократиями» за роль приоритетного союзника США в регионе [2, с. 453]. Но более вероятным представляется, что политика как ЕС, так и США в этом вопросе была обусловлена укоренившимися стереотипами о балтийском единстве.

Что касается самих стран Балтии, кроме упомянутых трехсторонних структур и проектов в их внешнеполитическом дискурсе рассматриваемого периода можно найти лишь несколько примеров обращения к теме балтийского единства. Во-первых, это ряд совместных деклараций середины 1990-х гг. об общей приверженности интеграции в ключевые западные объединения. Во-вторых — известное выступление эстонского министра иностранных дел Т.Х. Ильвеса в Стокгольме, в котором он, поддерживая решение саммита ЕС в Люксембурге о включении в число первоочередных кандидатов на вступление из трех стран Балтии одной лишь Эстонии, утверждал, что в отличие от своих южных соседей Эстония относится к группе северных, а не балтийских государств.

Наконец, риторика балтийского единства дважды использовалась чтобы предотвратить участие лидеров стран Балтии в юбилейных парадах Победы в Москве. В апреле 1995 г. президент Эстонии Л. Мери, узнав о планах своего литовского коллеги А. Бразаускаса поехать на церемонию в Москву, а не в Лондон, обвинил того в предательстве балтийского единства. Поддержанный В. Ландсбергисом и литовскими консерваторами он смог заставить Бразаускаса изменить свое решение

[9, с. 151—152]. А в 2005 г. аналогичная тактика была использована эстонским руководством в отношении президента Латвии В. Вике-Фрейберги. Но в отличие от Бразаускаса она не отступила, а, напротив, заявила, что нет больше никакого балтийского единства — «советская Прибалтика» осталась в прошлом, а Латвия, Литва и Эстония должны проводить свою собственную политику [8, с. 97].

Выводы

Популярность в странах Балтии лозунга «возвращения в Европу» и долгосрочный консенсус политических элит по стратегическим целям членства в ЕС и НАТО обусловили большое влияние фактора европейской интеграции на их внешнюю политику. Уже со второй половины 1990-х гг., то есть еще до вступления в ЕС, решения европейских структур начинают оказывать существенное влияние на их отношения друг с другом и с ближайшими соседями. А после вступления это влияние еще более усилилось, но приобрело в каждой из стран Балтии свои формы. Если Латвия и Эстония фактически отказались от активной внешней политики в пользу полной солидарности с внешнеполитическим курсом ЕС, то Литва, напротив, стремилась активно участвовать в развитии отношений Евросоюза с его новыми восточными соседями — постсоветскими странами Восточной Европы и, таким образом, максимально использовать выгоды своего нового статуса пограничного государства ЕС для увеличения собственного веса в европейской политике и продвижения к региональному лидерству.

Важную роль в формировании внешнеполитического курса стран Балтии на протяжении исследуемого периода играло и их восприятие внешних угроз, обусловленное позиционированием себя в качестве уязвимых малых стран, само выживание которых в долгосрочной перспективе зависит от поддержки союзников на Западе, прежде всего США. Такое позиционирование привело к секьюритизации стратегических целей западных векторов их внешней политики — членства в НАТО и ЕС, что позволило максимально мобилизовать на достижение этих целей имевшиеся ресурсы.

Что касается фактора балтийского единства, эта концепция, развившаяся в процессе трехстороннего сотрудничества Литвы, Латвии и Эстонии во время борьбы за независимость от СССР на рубеже 1980—1990-х гг., вскоре стала внешним стереотипом, глубоко укоренившимся в политике ЕС и США в отношении стран Балтии. В то же время в самих этих странах с момента обретения независимости привлекательность идеи балтийского единства ослабевала и избирательно использовалась политическими лидерами для решения собственных политических задач.

Список литературы

1. Баторшина И. А. Литва в контексте евроинтеграционных процессов: от Люксембурга до Хельсинки // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 12. С. 48—51.

2. Бразаускас А. Пять лет президента: события, воспоминания, мысли. М., 2002.
3. Володькин А. А. Основные векторы внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии в 1991—2014 гг. Минск, 2021.
4. Володькин А. А. Проблема использования региональной категории «страны Балтии» в международных отношениях 1990—2010-х гг. // Вестник Гродненского государственного университета. Сер. 1: История и археология. Философия. Политология. 2020. Т. 12, № 3. С. 45—55.
5. Воротников В. В. Евроатлантическая интеграция стран Балтии: некоторые итоги // Современная Европа. 2019. № 7 (93). С. 124—135.
6. Воротников В. В. Концепции и приоритеты внешней политики Латвии, Литвы и Эстонии в 2004—2012 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. URL: https://mgimo.ru/files2/y12_2014/262823/Vorotnikov_diss.pdf (дата обращения: 18.09.2021).
7. Носович А. А. История упадка. Почему у Прибалтики не получилось. М., 2015.
8. Розенфельд И. Эстония до и после «бронзовой ночи». Тарту ; СПб., 2009.
9. Сакалаускайте Р. На ринге литовской политики / пер. с литовского Б. Синочкина. М., 2011.
10. Симонян Р. Х. Страны Балтии: от обретения независимости до экономического кризиса // Горизонты экономики. 2011. № 1. С. 33—43.
11. Сытин А. Н., Смирнов В. А. Страны Балтии в ЕС: единство и своеобразие позиций политических элит // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 4 (13). С. 98—118.
12. Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918—1940 metais: dokumentų rinkinys / ed. by Z. Butkus. Vilnius, 2008.
13. Beržiūnas V. Lithuanian Foreign Policy Formation and the Factors of Identity : summary of doctoral dissertation. Vilnius, 2017.
14. Butkus A., Donskis L. The Baltics — A Forgotten Future Project // Lithuanian Foreign Policy Review. 2007. Vol. 19. URL: http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/08/LFPR-19-Butkus_Donskis.pdf (дата обращения: 10.07.2021).
15. Galbreath D. J., Lamoreaux J. W., Lašas A. Continuity and Change in the Baltic Sea Region: Comparing Foreign Policies. Amsterdam ; New York, 2008.
16. Jurkynas M. How Deep Is Your Love: the Baltic Brotherhood Re-Examined. Vilnius, 2007.
17. Karpačiūtė I. Kaita ir nacionalinė tapatybė užsienio politikos studijose: Lietuvos atvejis // Vytauto Didžiojo universitetas. Politikos mokslų almanachas. 2013. P. 99—134.
18. Kolga M. Quo vadis Baltic defence cooperation? // The Estonian Foreign Policy Yearbook 2006. Tallinn, 2006. P. 119—136.
19. Lamoreaux J. W., Galbreath D. J. The Baltic States As 'Small States': Negotiating The 'East' By Engaging The 'West' // Journal of Baltic Studies. 2008. Vol. 39, № 1. P. 1—14.
20. Van Elsuwege P. From Soviet Republics to EU Member States. Leiden ; Boston, 2008. Vol. 2.
21. Vilpišauskas R. National preferences and bargaining of the new member states since the enlargement of the EU: the Baltic States — still policy takers? // Lithuanian Foreign Policy Review. 2011. Vol. 25. URL: <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/09/LFPR-25-Vilpisauskas.pdf> (дата обращения: 11.07.2021).

22. *Vilpišauskas R.* The Lithuanian Presidency of the Council of the European Union Advancing Energy Policy and Eastern Partnership Goals: Conditions for Exerting Influence // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2013. Vol. 29. URL: <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/09/LFPR-29-Vilpisauskas.pdf> (дата обращения: 11.07.2021).

Об авторе

Андрей Александрович Володькин — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Институт истории Национальной академии Беларуси; доц., Белорусский государственный университет, Беларусь.

E-mail: andrei_va@tut.by

85

The author

Dr Andrei A. Valodzkin, Senior Researcher, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus; Associate Professor, Belarusian State University, Belarus.

E-mail: andrei_va@tut.by